

nachgefragt wird, und diese Sprache Englisch ist. Die Ausnahme bilden Philologen und Dolmetscher, die jeweils zwei Sprachen studieren, nach der Absolvierung der Universität aber meistens mit einer arbeiten, und diese meist Englisch ist. Deutsch als zweite Fremdsprache kommt manchmal in der Ausbildung künftiger Manager, Ökonomen, Weltwirtschaftler und Diplomaten vor.

Wenn man den heutigen Stand mit dem von vor 30 Jahren vergleicht, so war die Relation nicht 1:30, sondern 1:2. Und darin sehe ich die Gefahr für DaF bei uns im Lande.

Eine positive Botschaft gibt es trotz dieser düsteren Zahlen, weil wir das Goethe-Institut haben. Viele Studierende lernen Deutsch nicht an ihren Hochschulen und Universitäten, sondern am Goethe-Institut. Und die Zahlen dieser Lerner steigen mit jedem Jahr.

Indirekt kann man die Situation mit der Steigerung der Zahl an Deutschlernern im Studentenalter durch ihre Teilnahme an den TestDaF-Prüfungen veranschaulichen. TestDaF erfordert ein höheres Niveau der Sprachbeherrschung, verglichen mit dem, was in den Curricula für „Deutsch als studienbegleitendes Fach“ festgelegt ist, nämlich B 2. TestDaF hingegen verlangt Deutschkenntnisse vom Niveau B 2.1-C 1.2. Die Zahl der Studierenden, die meinen, dass ihre Deutschkenntnisse diesem Niveau entsprechen, steigt mit jedem Jahr. Die Ukraine hat hinsichtlich der TestDaF-Prüfungsteilnehmer 2008 noch den sechsten Platz nach China, Russland, Bulgarien, der Türkei und Polen belegt. 2010 hatten wir schon den vierten Platz nach China, Russland und Bulgarien. Die Türkei und Polen belegen entsprechend den fünften und sechsten Platz.

Die dargestellte Situation zeugt von zwei Tatsachen. Erstens ist die staatliche Bildungspolitik auf die lingua franca Englisch orientiert und demnach vermitteln Schulen in allen Gebieten der Ukraine Englisch als erste Fremdsprache, Deutsch unter Umständen als zweite Fremdsprache. Die Skalierung ist offenkundig! Zweitens ist die Reputation der deutschen Sprache in unserem Land hoch und mithilfe der noch existierenden Schulen mit dem erweiterten Deutschunterricht und des Goethe-Instituts beeinflusst man die Situation positiv, so dass wir immer noch Menschen mit guten Deutschkenntnissen im Land haben, die eine sachliche fachspezifische Kommunikation ohne lingua franca Englisch möglich machen.

Und als Fazit möchte ich hervorheben, dass man im Sinne von Georg Christoph Lichtenberg agieren muss, „wenn es besser werden soll“, also um Veränderungen kämpfen, um im Sinne von Prof. Porsch keine Sehnsucht nach Babel zu bekommen und auch im Humboldtschen Sinne „eine Multidimensionalität der Weltsicht und damit geistige Mobilitätsräume“ zu schaffen.

Literatur:

1. Schweckendiek Jürgen. Lernen Neuzuwanderer Deutsch als Fremdsprache oder als Zweitsprache? / Jürgen Schweckendiek // Deutsch als Zweitsprache. – 2002. – Heft 4. – S. 14-16.
2. Barkowski Hans, Krumm Hans-Jürgen (Hrsg.): Fachlexikon Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. – Tübingen : Franke, 2010 (UTB 8422) / Elisabeth Wielander // Informationen Deutsch als Fremdsprache. – 2011. – Nr. 2/3 38. – Jahrgang, April/Juni. – S. 147-149.
3. Porsch Peter. Sehnsucht nach Babel / Peter Porsch // Der Sprachdienst. – 2011. – Heft 3-4. – S. 81-91.
4. Kliewer Romea. Mehrsprachigkeit – der moderne Europäer spricht 1+2 : [Electronic resource] / Romea Kliewer. – Access mode : http://www.pasch-net.de/mag/dos/meh/de3335480.htm#vk_9

Калугина Т.В.

УДК 81'367.4

ДЕЕПРИЧАСТИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СМЫСЛА «ОБРАЗ, СПОСОБ, КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЯ»

Вопрос о роли и месте деепричастий в современной грамматике по-прежнему актуален в связи с тем, что семантико-функциональные свойства деепричастий двуплановы, а классификационные критерии выделения частей речи не допускают совмещения в одной части речи дифференциальных признаков двух классов слов.

В зависимости от научной парадигмы деепричастия анализируются по-разному. Петербургская школа функциональной грамматики рассматривает деепричастие в функционально-семантических полях, в частности таксиса. Это поле формируется различными средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), объединенными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, выраженных в высказывании [1, с. 71]. Конструкции с деепричастиями рассматриваются как полупредикативные, сочетающие основную и вторичную предикацию, и относятся к зависимому таксису, в котором соотносятся основное и второстепенное действие.

Е.А. Селиванова предлагает полевой подход к частям речи: «Полевая природа части речи обеспечивается наличием **ядра** (центра, доминанты) с чертами наибольшей специализированности к выражению инвариантного смысла и наибольшей формальной регулярности в соответствии с этим смыслом ... и **периферии** – сферы с иными инвариантами однопорядковой регулярной формы» [2, с. 8]. При таком подходе деепричастия, адвербиализованные деепричастия и отглагольные наречия относятся к периферии глагола и наречия. В целом частеречная система в ментальном лексиконе представляется как определенная когнитивная сеть коннекций, где периферийные зоны частеречных полей пересекаются и

взаимодействуют: «Зоны пересечения могут формировать новые грамматические классы слов (причастие, деепричастие, предикатив)» [2, с. 10].

Наибольшей непротиворечивостью, по нашему мнению, характеризуется точка зрения Е.Н. Сидоренко, которая рассматривает деепричастия как семантико-функциональный класс слов, совмещающий признаки глагола и наречия – вербально-адвербиальный контаминант (термин Е. Н. Сидоренко) [3, с. 69].

Цель данной статьи – рассмотреть деепричастия в ономаσιологическом плане и охарактеризовать их роль в выражении языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика действия», а также условия выбора говорящим. Ономаσιологический подход к изучению языка, по мнению В.П. Даниленко, предполагает точку зрения говорящего, ищущего языковые формы для выражения того или иного внеязыкового содержания и использующего в своей речи находящуюся в его распоряжении языковую систему [4, с. 7].

Объект исследования – деепричастия и деепричастные обороты, используемые для выражения языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика действия».

В функциональной грамматике деепричастия, участвующие в выражении ономаσιологической категории «образа, способа, качественной характеристики действия», относятся к характеризующему типу сопутствующего действия, одновременно заключающему в себе качественную характеристику главного действия.

Несмотря на видовые различия и близость к глаголу, деепричастия как семантико-грамматический класс слов отвечают на категориальные вопросы *как?*, *когда?*, *почему?*, *при каком условии?*, *несмотря на что?* и могут участвовать в выражении различных языковых смыслов – времени, образа действия, условия, причины, уступки, причем наиболее активно они используются при выражении языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика действия». Так как языковой смысл реализуется через средства различных уровней языка, то на синтаксическом уровне он представлен обстоятельствами образа, способа, качественной характеристики действия, отвечающими на вопросы *как?*, *каким образом?*, *каким способом?*.

Для деепричастий функция обстоятельства является первичной синтаксической функцией. Согласимся с мнением В.В. Бабайцевой о том, что «...значение добавочного (второстепенного) сказуемого у деепричастий в современном русском языке является дополнительным: основным в их семантике является значение обстоятельства (образа действия, времени, причины, условия, уступки и др.)» [5, с. 172]. Соглашаясь с первичностью функции обстоятельства деепричастий, Л.Д. Чеснокова отмечает ее синкретизм, который состоит в двойной семантике: «...Выражая обстоятельственные отношения к глаголу-сказуемому (отношения образа действия, причины, условия, времени, следствия), деепричастие в то же время обозначает добавочное действие предмета, названного в подлежащем» [6, с. 74].

Общность передаваемого языкового смысла дает возможность обстоятельствам, выраженным одиночными деепричастиями, входить в синонимический ряд с обстоятельствами, выраженными наречиями и предложно-падежными сочетаниями. В предложно-падежном сочетании при этом представлено однородное с деепричастием отглагольное имя существительное, образованное от того же производящего глагола. Различие в семантике реализуется через предлоги *с* или *в*.

Волнуясь = с волнением = в волнении: *Бестужев, волнуясь, пошел за Анной* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 15).

Заякаясь = с заиканием. – *Лежачего не бьют, – сказал, заякаясь, Мерк и подошел к Тихонову* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 17).

Заискивая = с заискиванием. *Официант не понимал и, заискивая, смотрел в брезгливое лицо капитана* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 31).

Насвистывая = со свистом. *Потом в шлюпку прыгнул, насвистывая, молодой краснофлотец* (К. Паустовский).

Деепричастие может обозначать образ действия через отношение к началу действия: *Мигали, загасая, фонари = начиная гаснуть* (Паустовский, Золотая роза, 84, с. 14).

Как известно, одиночные деепричастия, тесно связанные по смыслу с глаголом, не обособляются. Для разграничения обособляемых и необособляемых одиночных деепричастий используется смысловая критерий, учитывающий степень близости семантики деепричастия к семантике наречия, который, по сути, является ономаσιологическим критерием. Приведем примеры необособленных обстоятельств образа действия, выраженных деепричастиями: *Щедрин сидел нахохлившись в шлюпке, и обрывки мыслей суетились у него в голове* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 36). *Марта шла не оглядываясь* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 42). *Анна неподвижно сидела на корме и не отрываясь смотрела на корабль, тяжело нырявший в беспокойной, покрытой пеной воде* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 25). *Они были подавлены, ходили сгорбившись и почти у каждого в глазах была та же тревога, что и у Щедрина, тревога от разбухших боем и недодуманных мыслей* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 36). *Потом он не торопясь достал из стенного шкафчика штоф с водкой, налил ее в синий стакан и, что-то бормоча и сердясь, поднял офицеру голову и влил ему водку в рот* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 8). *Все зашумели, а писатель держал Никанора Ильича за руку и говорил сердясь: - Это вы, батенька, хватили не туда* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 55). *Два мертвых матроса сидели скорчившись около открытых кислородных приборов* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 35). – *Что прикажете? – спросил он согнувшись* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 31). *Листва берез висит не шелохнувшись* (К. Паустовский).

Встречаются случаи и обособления, и необособления одного и того же одиночного деепричастия: *Она сидела, как всегда, немного испуганная и бледная и, улыбаясь, смотрела на Щедрина* (Паустовский, Золотая

**ДЕЕПРИЧАСТИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СМЫСЛА
«ОБРАЗ, СПОСОБ, КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЯ»**

роза, 1984, с. 41). *Даже на рыб, вылетающих из маслянистой воды, она смотрела не улыбаясь* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 77).

Вопрос об участии в выражении языковых смыслов деепричастных оборотов является дискуссионным. Выскажем гипотезу о том, что не только одиночные деепричастия, но и деепричастные обороты могут служить средством именованного языкового смысла образ, способ, характеристика действия. Деепричастный оборот, как и одиночное деепричастие, традиционно рассматривается в синтаксисе как конструкция, осложняющая предложение. Она характеризуется наличием у деепричастия зависимых слов.

Необходимо также сказать о том, трансформация деепричастных оборотов в придаточные части сложноподчиненных предложений возможна не всегда. Само наличие зависимых от деепричастия слов становится существенным препятствием на пути возможности синонимической замены, например: *Тихонов выкурил трубку крепкого табаку и, гремя ружьем и тесаком, вышел из сторожки* (Паустовский, Золотая роза, 84, с. 7).

Однако возможность синонимической замены деепричастного оборота субстантивным в некоторых случаях сохраняется: *надеясь = с надеждой = в надежде. Он уехал из Голландии, надеясь заработать на кусок хлеба на стороне = в надежде заработать на кусок хлеба на стороне* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 86).

Синонимия деепричастий и наречий представлена не так широко, причем наречие может быть отсубстантивным и отадвербиальным.

Крадучись = украдкой. *Бестужев вышел, прикрыл за собою дверь и крадучись спустился с крыльца* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 23).

В образовании номинативно-синтаксических синонимов может вовлекаться отрицательная частица *не-*, семантически тождественная префиксу *не-*, например: **не торопясь=неторопливо.** Например: *Потом он не торопясь достал из стенного шкафчика штоф с водкой, налил ее в синий стакан и, что-то бормоча и сердясь, поднял офицеру голову и влил ему водку в рот* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 8). **Не спеша = не торопясь = неторопливо.** *Ювелир поднял голову мусорщика, достал из-под серой подушки золотую розу, завернутую в синюю помятую ленту, и не спеша ушел, прикрыв скрипучую дверь* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 82).

Общность передаваемого языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика действия» служит предпосылкой для транспозиции деепричастий в наречия, в дальнейшем приводящей к образованию ряда функциональных омонимов «деепричастие – наречие». К таким трансформантам относятся слова *лежа, молча, нехотя* и другие. Одним из способствующих адвербиализации факторов является общее ономазиологическое поле. К препятствующим относится наличие у деепричастия зависимых слов, то есть его использование в деепричастном обороте, например: *Щедрин и Акерман, лежа в дремоте, слушали треск огня в кафельных печах* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 37).

Приведем примеры наречий, перешедших из деепричастий. Наиболее часто встречается наречие **молча**: *Они шли молча, не останавливаясь, как глухие* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 7). *Она молча взяла Бестужева рукой за подбородок и долго, печально смотрела в лицо* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 11). *Обратно шли медленно, молча* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 11). *Дети выползли из крапивы и собрались у сходней, но дальше они идти боялись и так и стояли около сходней, молча разглядывая миноносца* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 49). В последнем случае интересна включенность наречия, образованного от деепричастия, в деепричастный оборот, которая явно указывает на адвербиализацию деепричастия **молча**. **Нехотя**: *Мы нехотя встали, пошли к нему, и он показал нам на сырой земле, там, где «остров» переходил в мишары, громадные свежие следы лося* (К. Паустовский). *По местечку нехотя брехали собаки* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 92).

Мы считаем, что процесс перехода деепричастий в наречия не завершен, то есть он является не только диахронным, но и синхронным, что и создает трудности при морфологическом и синтаксическом разборе. Например: *Тихонов ходил по берегу с ружьем на плече, часто останавливался и стоя дремал* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 7).

Относя деепричастия к формам глагола, ученые акцентируют внимание на возможности замены деепричастий глаголом, однако такая трансформация не всегда корректна из-за неполного соответствия передаваемого смысла либо вообще невозможности адекватно заменить глаголом, например: *Мичман снисходительно улыбнулся, оборвал песню, встал и, слегка наклонившись над клавиатурой и рисуясь, заиграл гимн* (Паустовский, Золотая роза, 1984, с. 31). Деепричастие *рисуясь* образовано от глагола *рисоваться*, который невозможно подставить в предложение.

В итоге можно сделать вывод о том, что деепричастия являются важнейшим средством выражения языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика действия» как на синтаксическом, так и на морфологическом уровнях. Так как этот языковой смысл является преобладающим над языковым смыслом «действие», то деепричастие может быть непротиворечиво охарактеризовано только при принятии точки зрения о том, что оно является вербально-адвербиальным контаминантом. А также можно прогнозировать дальнейшее вовлечение деепричастий в адвербиальную транспозицию, которой способствует общность ономазиологического поля.

Источники и литература:

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984. – 136 с.
2. Селиванова Е. А. Когнитивно-функциональный аспект русских частей речи / Е. А. Селиванова // Вісник Черкаського університету. Серія філологічних наук. – 2002. – Вип. 29. – С. 3-14.
3. Сидоренко Е. Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка : в 5-ти ч. / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : Крымское учеб.-пед. гос. изд-во, 2005. – Ч. 3 : Глагол. Наречие. Безлично-предикативные слова. – 186 с.
4. Даниленко В. П. Ономазиологическое направление в грамматике / В. П. Даниленко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 344 с.
5. Бабайцева В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1979. – 269 с.
6. Чеснокова Л. Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах : учеб. пособие по спецкурсу / Л. Д. Чеснокова. – Таганрог : ТГПИ, 1996. – 210 с.
7. Паустовский К. Г. Золотая роза : повести и рассказы / К. Г. Паустовский. – К. : Рад. школа, 1984. – 384 с. – (Мир в образах).

Каменева И.А.**УДК 811.161.1'42****ОПОЗИЦИЯ «ВРЕМЯ-ВЕЧНОСТЬ» В ПОЭЗИИ Ф. ТЮТЧЕВА**

Время – одна из важнейших составляющих картины мира человека, в том числе и художественной. В поэзии Ф. Тютчева данная категория имеет особое значение: «Автор создает своеобразную художественную модель мира, разворачивающуюся в пространстве и времени, в которой важное место занимает образ вечности, связанной со временем (и пространством) и подразумевающей, с одной стороны, «вневременность», с другой – «бесконечную длительность» и «вечное возвращение бытия во времени» [1, с. 380].

Задачей настоящей статьи является анализ лексики при описании категорий «время» и «вечность» на примере произведений Тютчева.

«Время» и «вечность» в поэзии Тютчева познаются через анализ языковых репрезентаций. Чтобы понять многослойную структуру этой категории в индивидуальном стиле автора, необходимо проанализировать семантику языковых единиц.

Противопоставление «времени» и «вечности» восходит к философской традиции. «Время» является мерой земного бытия, а вневременность «вечности» состоит в том, что к ней неприменима идея измерения и изменения: «...Время течет в повседневной жизни, но это время кажимости видимого мира, истинное же время – вечность высшей реальности, не подверженной изменению» [2, с. 30]. В философии вечность понимается как «бесконечность времени существования материального мира, обусловленная несотворимостью и неуничтожимостью материи и ее атрибутов, материальным единством мира» [5, с. 87].

Категории времени и вечности реализуются в поэзии Ф. Тютчева в различных значениях, большинство из которых являются общеупотребительными.

В лингвистических словарях время трактуется как: 1. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.п.; 2. Какой-либо отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней лет и т.д.; 3. Определенный, известный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т.п.; 4. Период, эпоха (в жизни человечества, какого-л. народа, государства, общества и т.п.); 5. Всеобщая объективная форма существования материи, проявляющаяся в длительности и последовательности, неотъемлемо от движения. Пространство и время – основные формы всякого бытия.

В «Русском семантическом словаре» «время» описывается как «Бытие. Материя. Пространство. Время».

Указанные значения реализуются посредством определенных лексических единиц. Это 1) общие наименования понятия «время»: ход, течение времени (продолжительность, длительность); отрезки, периоды, моменты времени (мгновение, миг, минута, момент, пора); единицы исчисления времени, разных временных отрезков (век, год, день, месяц, час); 2) отрезки, периоды времени, соотносимые с каким-нибудь состоянием, событием, деятельностью: единицы, соотносимые с определенным периодом времени (будущее, настоящее, прошлое, бывшее, вечность, грядущее, давность, конец, начало, минувшее); единицы, которые соотносятся с собственно событием, деятельностью (век, год, времена, мгновенье, миг, период, пора); 3) лексические единицы, называющие периоды времени, соотносимые с состоянием природы, окружающей среды, со светом солнца, луны, времени года, возрастные состояния: части суток (утро, день, полдень, вечер, ночь, восход, рассвет, закат); возрастные состояния (возраст, детство, молодость, старость).

В.И. Даль определяет вечность как «состояние или свойство вечного, будущая загробная духовная жизнь наша» [6, с. 73]. В современном словаре русского языка вечность определяется как «течение времени, не имеющее начала и конца» (МАС). Т.о., мы видим, что вечность противопоставляется времени.

В поэтическом мире Ф. Тютчева, однако, все указанные значения, взаимодействуя между собой и со значениями других единиц, приобретают новые семантические оттенки, что характерно для поэзии в целом в силу ее особого характера.